

Торнвуд-хаус

Там, где сейчас стоит Торнвуд-хаус, когда-то царил древний лес. Говорят, что, когда в 1882 году лорд Хоули купил эти земли в качестве свадебного подарка жене, он приказал перед началом строительства расчистить участок. Однако в самом центре рос старый, покряхтывавший от времени боярышник, волшебное дерево, и люди верили, что несчастье постигнет даже того, кто просто поцарапает кору на его стволе. Провидица из местных убеждала хозяина не трогать боярышник, говорила, что Добрый Народец отомстит любому, кто посягнет на их земли.

Но лорд Хоули был человек образованный, родом из английского графства Суррей, и провинциальных суеверий не разделял. У него имелся план будущего особняка, и он готов был щедро заплатить — и все же местные жители наотрез отказались срубить боярышник. Пришлось лорду нанимать рабочих из Суррея только для того, чтоб убрать одно дерево. Провидица предрекала, что его ждут вечные страдания. Однако первые несколько лет в Торнвуд-хаусе все, казалось, было вполне благополучно.

Но когда леди Хоули забеременела двойней, она серьезно заболела, и все начали опасаться за ее жизнь. К счастью, и мать, и дети выжили. Истинный ужас ждал впереди.

Всего через несколько недель после родов хозяйка начала вести себя странно: упорно твердила, что это не ее дети. Послали за врачом. По дому поползли слухи, что леди страдает от приступов истерии.

И только провидица знала, что леди Хоули вовсе не сошла с ума. Если мать не узнает собственное дитя, тому может быть лишь одно объяснение: ребенка подменили. Добрый Народец отомстил, забрав себе детей и оставив вместо них уродцев, больных душой. Если те не погибали в младенчестве, то вырастали в злобных, полных ненависти людей, которые всюду сеяли горечь и разрушение.

Еще до того, как близнецам Хоули минул год, леди Хоули выбросилась из окна верхнего этажа Торнвуд-хауса.

Глава 1

Нью-Йорк

25 декабря 2010 года

Если бы не эта безвкусная керамическая овечка в сувенирной лавке, Сара никогда бы не услышала про Торнвуд. Не говоря уже о том, чтобы лететь в Ирландию и встречать там Рождество.

— У тебя есть все, что нужно? — наконец спросил Джек (после того, как целый час молча наблюдал за ее сборами).

— Эм... думаю, да, это все, — проговорила Сара, оглядывая пустоту, которую оставляла после себя. Большая часть вещей уже была запакована и дожидалась ее в камере хранения в Массачусетсе. — Что ж, по крайней мере, теперь можешь поставить здесь бильярдный стол, о котором всегда мечтал, — делано весело добавила она и в ту же секунду пожалела о своих словах. — Прости, я не хотела...

— Все нормально, — сказал Джек, слегка коснувшись ее руки и криво улыбаясь. — Я тоже не знаю, что сказать. Тебе не надо притворяться, Сара.

Проще всего было бы упасть в его объятия и там, где никто бы не отыскал ее, спрятаться ото всех проблем. Вот только она уже пыталась, два года назад, и это не сработало.

Между ними так и остались невысказанные претензии и не нашедшие выражения чувства.

— Ты уверена, что хочешь ехать сегодня? Все-таки Рождество... — Он кивнул на невзрачную елочку, оптимистично мерцающую в углу. — Могла бы остаться до Нового года...

— Да какая разница? Что толку оттягивать неизбежное? Нет, я должна ехать сейчас, а то никогда не решусь. К тому же твоя семья ждет тебя. Большое шоу имени Натале Запарелли! Тебе стоит поторопиться.

Он устало вздохнул, сунув руки в карманы. У Сары мелькнула горькая мысль, что, возможно, не меньше, чем ее отсутствие на рождественском семейном ужине Запарелли, Джека беспокоит необходимость объяснять его причину.

— Хотел бы я, чтоб все было иначе.

Джек переминался с ноги на ногу, не зная, куда себя деть. В конце концов он прислонился к стене и стал похож на ненужный экспонат из его собственной галереи.

— Ну же, Джек, мне и без того тяжело! Пожалуйста, если ты расклеишься, то и я не выдержу. — Сара уже тянулась за сумочкой и пальто.

— Ладно, что ж, проваливайте, леди, и осторожнее на порогах! Так лучше? — Он едва заметно улыбнулся.

— Намного лучше. — Она обняла его, быстро, но очень крепко, и повернулась на каблуках, таща за собой чемодан. — Я позвоню тебе, как приземлюсь, чтобы ты знал, что все в порядке! — крикнула она напоследок.

— Можешь просто написать, — откликнулся он и добавил шепотом: — Не уверен, что мне хватит сил не умолять тебя вернуться.

В аэропорте Ньюарка царила обычная суета, но все же ощущалось приближение праздников. Похожее чувство Сара испытала в детстве, когда ей удаляли аппендицит

и пришлось остаться в больнице на Рождество: потрепанные украшения — не более чем напоминание о том, где она хотела, но не могла быть. Аэропорт выглядел таким же, как и в любой другой день. Куда летят все эти люди? Они все сегодня побросали своих мужей и жен? Многие, наверное, даже не отмечают Рождество. Неужели тут всегда все было так, каждый год, пока Сара уплетала индейку за праздничным столом, наивно полагая, что и остальные делают то же самое?

Наверное, как раз сейчас ее сестра Меган подает к столу свой знаменитый рождественский пудинг. Сара не хотела никому навязываться на праздники, но редко удается выбрать удачный момент, чтобы окончательно развалился твой брак. Три года замужем, а похвастаться нечем. Пожалуй, с тех пор, как она встретила Джека, ее круг общения стал даже меньше. Вот и оставалось только вернуться в родительский дом или же занять свободную комнату у сестры. Какую роль выбрать — дочь-разочарование или сестра-неудачница? В общем, Меган казалась меньшим из двух зол.

Сара рассеянно бродила по сувенирным лавкам, надеясь отвлечься от навязчивых мыслей о том, чем сейчас занят Джек. Да, при расставании он, как и Сара, держался, но наверняка ощущал ту же потерянность. По крайней мере, она могла вернуться в Бостон, вырваться из привычной обстановки, где все напоминало об их совместной жизни. Мысль о том, что в родном городе она придет в себя, придавала уверенности, и Сара, с настроем почтового голубя, что всегда возвращается домой, забронировала билет.

Очнувшись, она осознала, что стоит перед витриной с керамическими овечками разных форм и размеров. Должно быть, она уже довольно долго торчала здесь, потому что к ней подошла продавщица, почуявшая возможность сбыть товар.

— Миленькие, не правда ли? — заметила девушка. Молодая, ярко накрашенная и с кольцом в носу.

— Ну, наверное, если вам нравятся овцы, — откликнулась Сара, не желая обидеть ее. — А что это за магазин?

— Сувенирный. «Изумрудный остров». У вас посадочный талон Aer Lingus, так что будет скидка десять процентов, — добавила продавщица с таким видом, будто это могло повлиять на решение Сары что-то купить. — Куда именно вы летите в Ирландию?

— О, не в Ирландию. Я лечу домой, в Бостон, — заверила ее Сара, разрушая идеально выстроенную схему продажи. Она с детства знала, что в их семье есть ирландские корни (а у кого их нет в Бостоне-то?), и все обещала себе, что если когда-нибудь будут деньги, то обязательно съездит туда. Медовый месяц казался идеальной возможностью, но Джек заявил, что куда романтичнее провести две недели на Мальдивах, чем трястись от холода в сырой и унылой ирландской деревушке. Может, он и был прав, а все-таки мистическое очарование сказочных замков (фото которых Сара насохранила у себя в телефоне) манило ее сильнее, чем аквамаариновые воды.

Девушка ушла за прилавок и сосредоточенно жевала жвачку. Вспомнив, что сегодня Рождество, Сара сжалилась над ней и купила овечку с испуганной мордочкой, а для ровного счета еще какую-то ирландскую газету. Кроме того, она почти машинально сунула под мышку маленькую бутылочку ирландского виски.

— Спасибо, мэм, и счастливых вам праздников! — Девушка улыбнулась вслед Саре, которая, подхватив пакет с покупками, направилась к выходам на посадку.

Взяв еще чашку кофе, Сара устроилась в стороне от других пассажиров, у окна, откуда было хорошо видно, как самолеты заправляют топливом. Начался легкий снежок, и в свете огней аэропорта снежинки казались пляшущими

золотистыми искорками. Бросив взгляд на экран, она увидела, что ее рейс задерживают на два часа. Сара открыла крышку стаканчика и небрежно плеснула в кофе изрядную порцию виски. То, что доктор прописал. Кофе горчил, но, смешавшись с алкоголем, он успокаивающе согревал кровь. Все казалось нереальным. Знать, что собираешься уйти от мужа, и в самом деле уйти от него — отнюдь не одно и то же. Она только-только начинала осознать, что это действительно произошло. Сара снова открыла крышку и подлила в кофе еще виски.

Сара не высыпалась с тех пор, как случился Тот Большой Кошмар, — почему-то было легче называть это именно так: помогало сдерживать чувства. Она ложилась спать с ощущением, что тянет лотерейный билет. Порой удавалось урвать несколько часов сна. Однако чаще она просыпалась в панике, задыхаясь.

— У вас тревожное расстройство, — заявила докторша с идеально уложенными волосами и в весьма неуместных туфлях на высоком каблуке. А что, если ей нужно будет бежать на срочный вызов? Сара все гадала, как врач справится на таких-то каблуках, пока та углублялась в объяснения. Но это совсем не помогло. Саре прописали таблетки — она отказалась. Разумеется, у Джека нашлось что сказать по этому поводу: он по всем вопросам имел свое мнение, и часто казалось, будто оно важнее мыслей Сары. Ей также посоветовали сократить употребление алкоголя. Об этом она в разговоре с Джеком не упомянула и каким-то образом ухитрилась убедить себя саму, что это не более чем стандартная рекомендация, которая не имеет отношения к ней лично. Сара знала, что если ей удастся хоть немного побыть в одиночестве, то она сможет разобраться в себе. Хотя в Бостоне одиночества ей не видать... Только сейчас до нее дошло, что «семейная поддержка» означает еще и тонну непрошенных советов.

Очередные благонамеренные банальности от тех, кто желает «исправить» ее.

— Еще кофе, пожалуйста, — попросила Сара, подходя к прилавку *Dunkin Donuts*. Она старалась не смотреть в глаза кассиру, хотя он наверняка учуял запах алкоголя. Не то чтобы это имело значение — она уже давно не ребенок, — но в глубине души Сара ощущала вину, объяснить которую не могла. Она пила не для развлечения и не оттого, что боялась летать. Просто хотела забыться. Сара залезла в сумку и наткнулась на ирландскую газету. Достала ее, желая просто полистать и отвлечься, но взгляд остановился на фотографии на последней полосе: красивый боярышник, весь в маленьких белых цветочках, одиноко стоящий подле оживленного шоссе где-то в графстве Клэр в Ирландии. Заголовок гласил: «**ДЕРЕВО ФЕЙ, КОТОРОЕ ПОДВИНУЛО АВТОСТРАДУ**».

— Ха! — с любопытством воскликнула Сара и склонилась над газетой, сосредоточившись на статье.

Совет графства Клэр наконец уступил требованию местных жителей изменить маршрут строящейся автомагистрали, чтобы защитить особенно ценный экземпляр боярышника. Нед Дилейни, краевед и собиратель местного фольклора, заявил, что боярышник является «важным местом встреч фейри Коннахта и Манстера». Дилейни (которого в округе называют Заклинателем Фейри) настаивает: если срубить дерево, это «раздразнит» сказочный народец и принесет неисчислимые несчастья всем, кто будет проезжать по магистрали.

Сара внезапно вспомнила, как девчонкой ездила с отцом в грузовике по сельским окрестностям и собирала в лесах сухие ветки. Отец был немного хиппи, или «любитель обниматься с деревьями», как называли его соседи,

и привил ей большое уважение к природе. На пустынных дорогах он пускал ее за руль, и она чувствовала себя свободной — только они вдвоем, дорога впереди и деревья, растущие вдоль трассы. Они часами проводили время в его мастерской, делали невероятно кривые скворечники, органайзеры для ручек и карандашей и всякое другое, что можно смастерить из грубой древесины и пары ржавых гвоздей. Отец всегда хвалил ее старания, даже побуждал делать на бумаге более сложные наброски — вешалки для одежды или стеллажи. Именно детство, проведенное в мастерской, подтолкнуло ее поступить в колледж, чтобы изучать искусство. У Сары были большие планы на жизнь после окончания учебы, но в Нью-Йорке все сложилось совсем по-другому. Она происходила из рабочего класса, а потому в галереях Нью-Йорка чувствовала себя чужестранкой. Но и дом перестал ощущаться домом. Желудок сжался от одной мысли, что ей придется поселиться в комнате у сестры. Сара снова уткнулась носом в газету.

Местные жители не могут утверждать, что безусловно верят в существование фэйри, и все же одна женщина выразила общее мнение такими словами: «Лучше перестраховаться, чем потом жалеть».

Сара моргнула и покачала головой. Возможно ли такое в наше время? Она повертела газету в руках, проверяя, что это настоящее печатное издание, а не какая-то шутка. Улыбнувшись про себя, она снова подумала об отце: наверняка ему бы это понравилось. А вот матери — нет. Как и Меган, она была практична и разумна, в то время как Сара и отец принадлежали к породе мечтателей. Когда-то Сара верила в чудеса, но вся магия, казалось, испарилась из ее жизни, когда пришел Тот Большой Кошмар. Возможно, в Ирландии она снова обретет потерянное?

Глянув поверх своего столика возле *Dunkin Donuts*, Сара осознала, что довольно далеко ушла от нужного выхода на посадку. Неожиданно для себя самой она оказалась перед залом вылета авиакомпании Aer Lingus. На экране мигал номер рейса: EI401, до Шаннона. На стене висел рекламный плакат с изображением утесов Мохер, величественно возвышающихся над Атлантическим океаном, и слоганом: «Ирландия — страна тысячи приветствий».

Что-то внутри Сары дрогнуло, а потом мысли уложились в голове. Решение было принято даже раньше. В тот самый момент, когда она увидела глупую фигурку овцы в витрине.

